

Гражданин с мухой в носу

Лето 1971-го... Сбылось! Я - студент факультета журналистики Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко. До этого дважды пытался поступить в самый престижный вуз Украины.

В первый раз подвела школьная характеристика, в которой после того, как я получил назад документы со стандартной отказом «по причинам конкурса», красным были жирно подчеркнуты фразы «Избегал общественно-полезной работы», «Слишком самоуверенный» и другие. Во второй - не хватило баллов.

И только выполнив армейскую «почетную обязанность», получил возможность в течение пяти лет стационарно осваивать азы будущей профессии.

Но не тут-то было...

На реке Удай. 1968 год

...Опять квадратное катят

Никто в то время - ни наставники, ни воспитанники - понятия не имели, что Украина вступает в эпоху непростых политических событий. Что на протяжении двух следующих лет будут арестованы В. Чорновол, Л. Лукьяненко, В. Стус, Е. Сверстюк, И. Дзюба, И. Светличный. Что уже запланированы «идеологические чистки» в Киевском и Львовском университетах. Что партийные органы запретят отметить юбилей музея И. Котляревского в моей родной Полтаве.

Что, в конце концов, через 8 месяцев, не дав закончить первый курс, из вуза выкинут наших однокашников В. Лазаренко и В. Цымбала за то, что они «не в тот день» возложили цветы к памятнику Кобзарю (вообще, набор

1971года «отличился» за всю историю факультета: из 100 неофитов к торжественной церемонии вручения дипломов добрались лишь 77 - и это учитывая переведенных из заочного и вечернего отделений).

Что касается меня, то к диссидентскому движению я никогда не принадлежал. И даже искренне верил в неизменное светлое будущее. Однако с мальчишеских лет (и по сей день, несмотря на возраст и «окраску» меняющихся властей!) не мог удержать губы сомкнутыми, когда видел, что круглое несут, а квадратное - катят. И упорно пытался - и пытаюсь! - доказать: наоборот – гораздо эффективнее (в моем родном Пирятине таких правдолюбцев называют «с мухой в носу»).

А еще я упорно отстаивал идеалы равенства, братства, чести, добра, справедливости. Парадокс, но именно за юношеское стремление повсеместно воплощать в жизнь «принципы строителей коммунизма», тщательно доискиваться хотя бы здравого смысла во всем, меня в армии исключили из комсомола.

Впрочем, на протяжении всей службы как «искатель правды» испытывал откровенно солдафонский прессинг. В наказание меня даже перевели из эдемской Одесской области на Урал. Кстати старшина, захлебываясь от

собственной значимости, которую никак не мог доказать целый год нашего - благодаря исключительно военкомату, - знакомства, так прокомментировал сибирскую, в его понимании, «ссылку»:

- Будешь отныне умничать там, где паек сбрасывают с вертолета, а по нужде ходят исключительно парами и с топором - один справляет потребность, а второй мгновенно обрубают, чтобы не примерзло.

Трудно поверить, но в благословенном краю Бажова меня презрительным «О, писака прибыл!» (на предыдущем месте службы я был внештатным корреспондентом газеты Одесского военного округа «Защитник Родины») встретил майор ...по фамилии Дуб.

И он, и остальные отцы-командиры делали все, чтобы обыденность цвета хаки не казалась мне слишком сладкой: критическая масса суток, проведенных на гауптвахте, претендовала, видимо, на всесоюзный рекорд. А из газеты Уральского военного округа вскоре получил письмо с отказом дальше публиковать мною направленное, поскольку «стало известно, что вы не являетесь примером для других в исполнении служебного долга».

А вот событие, которое непосредственно предшествовало исключению из рядов ВЛКСМ.

Из авторского «Дневника»:

«Утро, 7 ноября 1970

Всех, свободных от службы, собрали в Ленинской комнате - смотреть парад на Красной площади, посвященный очередной годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Что касается праздника, то я против него ничего не имею. Но торжества - по одному и тому же сценарию - видел неоднократно.

Поэтому остаюсь в расположении личного состава. Сержанту, попытавшемуся привлечь и меня к «коллективному мероприятию», заявил, что намерен написать письмо родным, благо начальство это шибко поощряет. Безусловно, если бы я был салагой, подобное вряд ли бы прокатило. Однако без пяти минут «дед» - корова священная. Так что, вооружившись конвертом, бумагой и авторучкой, комфортно устроился, усевшись на кровать, у тумбочки.

И, надо же, вскоре в казарме появляется дежурный по гарнизону. Полковник да еще - заместитель командира не из чего-то там, а Ее Величества политработы. Первый же вопрос:

- Почему рядовой (раздражительный взгляд в мою сторону) находится в расположении, а не в Ленинской комнате?

Сержант и дневальный мнутя. Прихожу на помощь (зачем ребят подставлять?):

- Товарищ полковник, пишу письмо родным!

- Что, другого времени не нашел? Марш в Ленинскую комнату!

- Я парад видел множество раз. Что изменится, если еще раз посмотрю?!

- Главное не в том, что ты его видел, а в том, что оторвался от коллектива.

- Но неинтересно же, товарищ полковник! И пользы - никакой. Вытаращу зенки в экран, как баран на новые ворота...

«Разговорчики в строю» старшему офицеру начинают надоедать (тем более, видно, как он мысленно примеряет к своему галифе генеральские лампы):

- Встать! Смирно! Правое плечо вперед, шагом марш!

И - вдогонку:

- А если такой грамотный, можешь на экран не смотреть!

В голове мгновенно вырывается фортель, хотя прекрасно понимаю: выйдет он мне боком. Бойцы, кстати, тоже хорошо знают: если мне попала вожжа под хвост (а как иначе назвать спор не с кем-нибудь, а с полковником?), дам нехилое представление. Все с нетерпением напряглись в ожидании дальнейшего развития событий: торжественный парад в Москве ребятам, если честно, тоже - до одного места.

Захожу, скольжу мимо незанятых стульев и вплотную - к телевизору. Публика удивляется, ничего не может понять. Беру столик, на котором стоит приемник ТВ, отодвигаю их от стены. Возвращаюсь, беру свободную седушку, заносу ее ... за телевизор. И со всеми возможными удобствами там устраиваюсь.

Теперь представьте себе

«картину маслом». Личный состав батареи сплоченно уставился в экран, а я напротив них – изо всех зрачков пялюсь ... в заднюю панель телевизора. Комната заходится приглушенным смехом.

Мгновенно влетают полковник, сержант и дневальный.

Личный состав умолкает. Дежурный по гарнизону грозно обводит глазами комнату, чтобы выявить, с чего народ рвет бока. И впивается взглядом в меня. Глаза его путешествуют на лоб:

- Что такое?! – вопит политработник. - Что вы себе позволяете?

- Ничего, - отвечаю невинным голосом тургеневской барышни. - Ведь вы сами позволили мне не смотреть на экран. Какая, в этом случае разница, где я сижу: перед телевизором или позади него?!»

...Исключение из рядов ВЛКСМ стало первой архипроблемой в университетских стенах, ибо предстояло вставать на учет. А как?! Процедуру затягивал, сколько мог. Ссылаясь на то, что мои документы, когда возвращался со службы, украли в поезде нехорошие строители коммунизма. И вот одноклассник Александр В. (в будущем - писатель), которого я не раз возил в гости к моим родителям и считал другом, на очередном собрании подлил лярда в тлеющий очаг:

- Еще надо разобраться, почему он так долго не становится на учет! Может никто никакого билета у него не воровал, а он просто никогда не был в наших рядах?!

Дамоклов меч привел - пан или пропал! - в Пирятинский райком ЛКСМУ. И сейчас благодарен тогдашнему его секретарю по идеологии Ляшенко (имя, к сожалению, забыл), которой рассказал правду. Землячка в тот же день вручила мне новенький комсомольский билет с моей прежней датой вступления - 1964 год. Отметив:

- В наших документах указала сегодняшнее число, и ты там - молодой сознательный рабочий кирпичного завода. Так сказать, улучшаешь статистику социального состава наших новичков.

Вернувшись в столицу, встал, наконец, на учет и перевел дыхание. Но, оказалось, ненадолго.

«Пособничество» африканским шпионам

Пьянки обычно начинались так (автор - справа)...

Новый, 1972 год, отмечал в родном общежитии №4 на улице Ломоносова.

«Праздновали» двое суток с небольшими перерывами на сон. Состав гостей менялся едва не ежечасно. И вот второго января вспомнил: завтра у меня - день рождения. Тут же пригласил остатки честной компании в Пирятин.

На тот момент проблем с вестибулярным аппаратом не имели три дамы и три джентльмена. Среди последних - именинник и два выходца из Африки - такие себе Камил и Дэвис (это сейчас на берегах Днепра чернокожие не редкость, а тогда...). Приглашение празднующие приняли с искренним, хотя и не совсем трезвым одобрением.

Одевшись, рванули на автовокзал на Московской площади. Билеты взяли,

естественно, по студенческим документами (этот фактор впоследствии сыграл свою роль) - за полцены. Загрузившись на дорогу пивом, покатали.

На малую родину прибыли в полумраке - зимой темнеет рано. Городским автобусом подъехали к центру. И напрямиком - в гастроном «Спутник».

Неожиданно слышу позади непонятный шум. Оглядываюсь: за нами, выпучив глаза, тянется с десяток горожан, африканцев никогда не видевших. Стыдить их, обостряя ситуацию, не решился: рассосется само собой – земляки ведь если с печи и упали, то отнюдь не вчера... Увы, не учел, что негра незначительная часть пирятинцев лицезрела исключительно в фильме «Максимка», а для подавляющего большинства темная кожа ассоциировалась исключительно с господином, украшенным рогами, хвостом и копытами.

Выходим уже со спиртным. Под торговой точкой - приличная толпа. Как же: посленовогоднее представление на шару, этакой себе провинциальный цирк! Пока топали к родительскому дому, количество «зрителей» неуклонно росло. К калитке прибыли в сопровождении почти первомайской,

несмотря на снег, демонстрации.

Двое суток дружно «водили козу», посасывая седой самогон («хлопну рюмку - где же кружка?»). В общем, отлично погуляв, вернулись в столицу.

На следующий день наша группа собралась на предэкзаменационную консультацию, запамятовал по какому предмету. Ко мне подошла методист декана Неля Петровна и таинственно прошептала на ухо:

- Зайди в аудиторию (номер выветрился из головы - Н.С.).
- Зачем?
- Там тебя ждут!

Переступаю порог. Вижу двух мужчин. Приглашают сесть. Не представляясь, начинают душевную беседу «за жизнь». Я ничего не понимаю. Однако «разговор» вежливо поддерживаю.

Между «Как учеба?» и «Нравится ли в университете?» (хотел бы я посмотреть на идиота, которому бы это не нравилось?!) звучит:

- А как провели новый год?

Откровенно не праздничная музыка...

- Спасибо, - говорю, - нормально. А вы?

- Нам не повезло, находились на службе, - отвечает один из собеседников.

- Вы, насколько известно, посещали родителей?

- Да, - мой пыл несколько угасает. Перспектива не из приятных: с третьей попытки попасть в университет, решить проблему с комсомольским членством и пропасть ни за понюшку табака!

- Один ... или ... с друзьями?

- С друзьями.

- А нельзя узнать, кто они?

Что остается делать? Называю фамилии студенток (все равно «они» их уже знают). И добавляю:

- ... и два негра.

- Именно они нас и интересуют, - оживляются собеседники. - Как их фамилии?

- Не знаю, - признаюсь искренне.

- А на фото узнали бы?

- Наверное ...

Один из незнакомцев шустро достает из портфеля два альбома с цветными (в то время - редкость!) фото и подает:

- Ищи!

В результате кропотливой работы «выдаю на-гора» портреты Камила и Дэвиса.

- Так мы и думали! - задумчиво говорит один из визави.

- Что именно? - интересуюсь я.

- Год назад вот этого, - тычет пальцем в Камила, - сняли с поезда в Житомирской области. Недалеко от секретного объекта. А в Пирятине дислоцируется полк Чапаевской дивизии, что есть военная тайна. Соображаешь?!

Я, само собой, «соображаю» - кажется, даже пар из ушей струится! И настроения это не добавляет. Одногоруппники готовятся к экзамену, а меня здесь уже почти обвинили в шпионаже. Или, по меньшей мере, в пособничестве иностранным рыцарям плаща и кинжала. Душу греет одно: шпионы - африканские, а не американские или немецкие, может, получу послабление.

- Вам известно, - прерывает размышления более активный из «разработчиков», - что иностранцам дальше чем на 50 километров от Киева выезжать запрещено?

- Впервые слышу! - не вру я.

И - на всякий случай (уже и сам не понимаю, искренне или не совсем) - добавляю:

- Да если бы знал...

Наконец меня отпускают, строго-настрого предупредив, чтобы никому ни слова о только что состоявшемся разговоре даже не заикался, а то сам заикой стану (данное обещание я в тот же вечер нарушил, поделившись информацией с наиболее близкими друзьями).

Мокрому дождь не страшен, поэтому на прощание вежливо интересуюсь:

- А как вы узнали, что я ездил в Пирятин с иностранцами? Кто-то из соседей постарался?

Услышу ответ или нет?

- Какие соседи?! На пирятинской автостанции вас уже встречал наш местный сотрудник!

Вот так поворот!

- На авто ... станции?! А как он о нашем прибытии ...узнал? Замысел-то возник спонтанно...

Серые пиджаки переглянулись. И потом:

- А вы проездные документы покупали по студенческим билетам?

- Ну, да!

- Больше в подобные переплеты не попадай!

Потребовалось несколько минут, чтобы до меня дошло: все кассиры на автостанциях - «шестерки» КГБ.

Бунт, которого ... не было

Не успели утихнуть пересуды о моей причастности к попытке «продажи» Родины, как возникла новая коллизия. На этот раз - с заведующим кафедрой физкультуры. Отмечу: занятия я, действительно, игнорировал. Потому, что знал: любой норматив без малейшей подготовки сдать на «отлично».

Оказалось: университету нужны не физически здоровые студенты, а послушные. Ты можешь быть галушкой, но если в журнале присутствуют «галочки» о посещениях - зачет гарантирован. То есть задохлик, исправно ходящий на занятия, признается физически развитым. А я, кто без всяких

тренировок, может заведующего кафедрой на иву, чтобы поискал там груш, зашвырнуть, - студенистый Мамула.

Попытки непосредственно на стадионе доказать свою спортивную форму ни к чему не привели. И я с тремя пятерками, четверкой и «хвостом» по физкультуре попал в разряд неуспевающих. Меня фотографировали для сатирического уголка стенной газеты, критиковали на собрании - группы и курса, лишили стипендии. И смотрели, особенно активисты, как на случайного человека на ТАКОМ (он считался партийным) факультете.

И опять - неприятности. Уже с профессором Василием Елизаровичем Прожогиним, до смерти любящем «загонять ежа под черепа» (любимое выражение) студентам. К несчастью, именно его назначили куратором 4-й группы, в состав которой я входил.

Впервые появившись, он торжественно-возвышенным тоном предложил, не мешкая, вызвать на социалистическое соревнование 3-ю группу. И победить ее, прочитав всего Бальзака. Причем по ходу соревнования мы должны были отчитываться друг другу, пересказывая произведения.

Девяносто томов «Человеческой комедии» - не шутка. Но если даже забросить учебу и еженедельно преодолевать по фолианту, сомнительное с многих точек зрения «соревнование» займет без малого два года. Что я куратору и сказал.

Добавив: мол, далеко не все бальзаковские романы из числа уже прочитанных вызывают восторг. Да и для общего развития было бы логичнее проработать еще кого-нибудь.

Нашелся и единомышленник - Анатолий Шилоший:

- Я вот, например, собираюсь изучать Шопенгауэра...

- Это настоящий бунт! Один,

видите ли, не любит Бальзака, а второй на партийном факультете хочет изучать реакционного философа! Тогда как мы в свое время изучали Карла Маркса и Владимира Ильича Ленина. Что это за группа?! Надо разобраться...

Пришлось нам с Анатолием (добавилось еще несколько одногруппников, правда, с менее критическими «идеологическими диагнозами») играть роль козлов отпущения на очередном внеплановом собрании.

Дальше - поиск логики и справедливости, а с точки зрения факультетского руководства, конфликт - на военной кафедре. Вопрос встал ребром: или я прошу прощения у майора Жукова, или меня отчисляют с «военки», что автоматически влечет исключение из университета. Невероятно, но факт: эта проблема попала под каток другой - так что ползать перед майором-солдафоном не пришлось.

... Декабрь 1973-го. Последняя пара. В аудиторию кто-то из штатных активистов (кажется, Анатолий Терещенко) занес кучу анкет областной комсомольской газеты «Молодая гвардия». С настоятельной просьбой, продемонстрировав гражданское сознание, после звонка вернуть их заполненными.

На предпоследней парте сидим втроем: я, уже упоминавшийся «шопенгауэровец» Анатолий Шилоший и Антон Щегельский. Решаем заполнить одну анкету на троих. А поскольку стандартные вопросы за два с половиной года основательно поднадоели, решаем ошарашить любителей чужих мыслей (ходили упорные

слухи, что подобные анкеты внимательно читались при участии «социологов» КГБ). И в сатирически-гротескной форме издеваемся над идеологическими надзирателями. Например, на вопрос «Какая статья в нашей газете за прошлый год вам больше всего понравилась?» выдаем на-гора - «Изнасилование гермафродита группой педерастов». И в подобном духе - далее. А чтобы наш «сарказм» по достоинству оценили товарищи, заполненную анкету пускаем путешествовать рядами. Случился звонок, сообщавший о конце занятий, и все разъехались по домам.

Все, кроме, как оказалось, одного. Того, кто подобострастно доставил «нестандартную анкету» в деканат. Официальная версия, будто скомканную бумажку со слезами на глазах принесла утром уборщица, не выдерживает никакой критики. Какой там следующий день?!!

Ведь, хотя занятия у нас начинались в 14.00, секретаря парторганизации курса, партгруппоргов, комсorghов и старост курса и групп вызвали в вуз ...к 9.00. Да и где вы видели уборщиц, разворачивающих и читающих каждую скомканную бумажку?! И пошла писать деревня!

Из авторского «Дневника»:

«Чтобы избавиться от непослушных, используют апробированный не на одном поколении ход конем: ставят двойки на каждом экзамене, подводя народ под исключение из-за неуспеваемости. Волчий билет плюс обязательная тогда при трудоустройстве характеристика - а какой она была бы, не сложно представить! - фактически ставили крест на будущем.

Пытаясь избежать расправы, тайком уехал в Львовский университет - с надеждой срочно туда перевестись. В тамошнем деканате объяснили, что мне, к сожалению, не повезло: недавно вышел союзный циркуляр о предоставлении студентам возможности переходить с одного учебного заведения в другое исключительно во время летних каникул».

Я - товарищу Анатолию Згерскому: «Как-нибудь прорвемся» (его Голгофа еще впереди - не дадут защитить «неправильную» дипломную о Махно).

Неожиданная поддержка

Интересно наблюдать, как некоторые из сокурсников здороваются со мной издали, а иногда и вообще «не замечают». В свою очередь, нашлись благородные люди среди преподавателей. Вот, например, с какими невероятными «приключениями» я сдавал

экзамен по русскому языку тогда еще совсем молоденькой Ларисе Шаховой.

Из авторского «Дневника»:

«Январь 1974

Прилично отвечаю на три вопроса билета, а также на два дополнительных (те, кто готовится, внимательно следят, ибо не сомневаются: меня снова будут «валить»). Преподавательница вдруг заявляет:

- Вы, пожалуйста, тихонько посидите - я спустя пару минут вернусь!

Несколько удивлены, сидим.

Шахова возвращается, снова ставит мне дополнительный вопрос.

Удивительно: я и на него знаю ответ. Дальше - дежавю: экзаменатор, извинившись, вновь покидает аудиторию, чтобы вскоре вернуться. Подает мне зачетку:

- После каникул придете на пересдачу...

Иного я не ожидал (уже имел две искусственные задолженности), поэтому спокойно, по крайней мере, внешне, оставляю аудиторию. Направляюсь к «группе поддержки». Не сделал и десятка шагов, как услышал голос жены, студентки-выпускницы исторического факультета Надежды Аврамчук:

- Оглянись, тебя зовут!

Оборачиваюсь и вижу, что меня догоняет ...Лариса Шахова. Подходит:

- Простите, но честно оценить ваши знания у меня не было возможности!

И, резко повернувшись, направляется обратно в аудиторию.

Обсуждая ситуацию с «болельщиками», узнаю, что экзаменаторша, оставляя аудиторию, дважды поднималась на второй этаж и посещала деканат. Несложно представить с какой целью. Как и то, какое наставление и в каком тоне там получала. Однако рискнула еще, раскрыв своим извинением (поступок!) секрет административного Полишинеля».

Должен искать работу, поэтому пишу в нескольких редакций, не слишком надеясь на положительный ответ. Кто рискнет взять изгнанника партийного факультета?»

- ...Что носом пол драишь?! - остановил как-то меня посреди университетского коридора доцент кафедры истории литературы, в то время - секретарь парторганизации факультета Анатолий Григорьевич Погребной (позже выяснится случайное совпадение - оба мы родились в один и тот же день и месяц, правда с разницей в 8 лет). - И не дуйся, как шкварка на огне!

Моему удивлению не было предела. В нашей группе он занятий не вел, поэтому, кроме традиционного «Добрый день», никаких отношений у нас не было.

- Да ..., - вильнул я неуверенно рукой, ожидая очередного «воспитательного момента».

- Ну-ка, заглянем на кафедру! - удивил визави во второй раз подряд.

Зашли – благо, та была рядом. И ...начали разговаривать. Точнее, львиную долю времени (рандеву затянулось минут на сорок!) говорил я. Рассказал все (кроме случая с комсомолом), что изложил выше. И действительно, помню, интересовался: ну, почему так не рассудительно в университете организовано множество вещей? Что за смертельный грех - читать того автора, который нравится? Почему у юношей предварительно не спрашивают, хотят они посещать военную кафедру или нет? Почему программа там одинакова как для тех, кто уже отслужил и даже имеет офицерское звание, так и для вчерашних школьников? По какой логике из учебного заведения отчисляют за букет цветов, возложенных к памятнику национальному гению или нешуточно прессуют за в жанре гротеска заполненную анкету?

- Все понял, - подвел черту Анатолий Григорьевич (конечно, он был в курсе, разве что не знал некоторых, не обязательно красноречивых, деталей). - А теперь говори, какой вариант развития событий в этой ситуации считаешь приемлемым?

- Разве у меня остаются варианты?

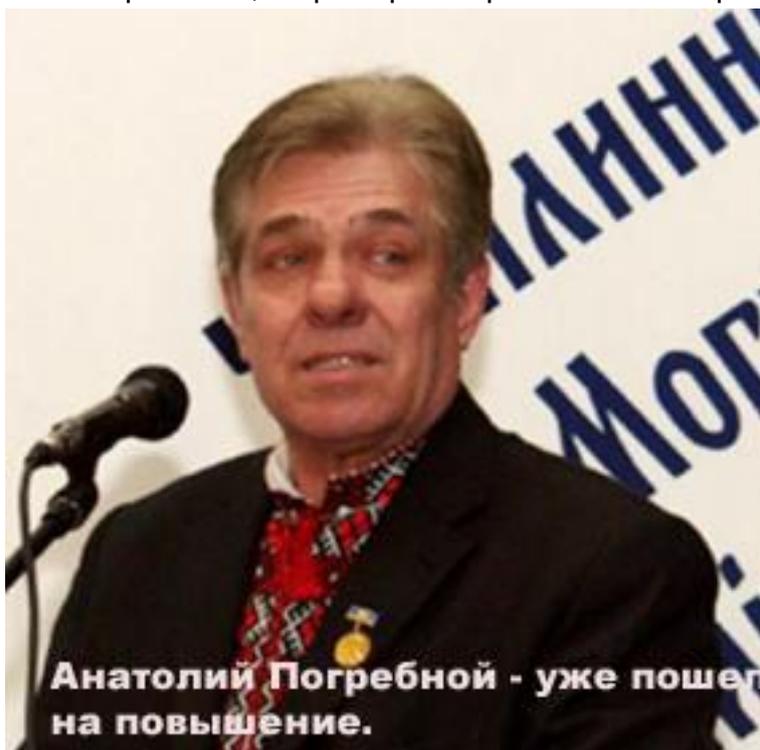
- Надо попробовать!

- Закончить учебу... Хотя бы заочно, - озвучил сокровенную мысль последних недель.

- А что?! Иногда поменять сапоги на лапти - выгодно, а в голой степи и жук - мясо, - поднялся Погребной. - Подожди! Вернусь через пяток-другой минут.

Растерянно ожидаю.

Не через пять, а примерно через Анатолий Григорьевич вернулся. Молча

продефилировал к столу, взял ручку и бумагу. Сунул вне в руки:

- Только что с Дмитрием Михайловичем (деканом Прилюком - Н.С.) имел весьма непростой разговор. Пиши заявление о переходе по собственному желанию на заочное отделение!

Не знаю, когда радость моя была больше: в день, когда получил студенческий билет, или когда писал это заявление. И все думал: зачем преподавателю становиться на защиту «неблагонадежного» студента, вмешиваться в дело, наделавшего столько шума и находящегося «на

контроле»? Особенно, если учесть, насколько сильно это могло повредить его собственному научно-педагогическому будущему...

Без малого четверть века спустя имел продолжительный разговор с однокурсником Виталием Довгичем, который в 1981 году стал преподавателем родного факультета, вследствие чего был основательно знаком не только с фасадными, но и закулисными тайнами альма-матер. Не обошли, конечно, и «эпопеи-1974». И Виталий Андреевич, спасибо ему, поднял завесу над упомянутым выше рандеву А. Погребного с Д. Прилюком.

Дискуссия - вполне предсказуемо - шла вокруг тезиса последнего о том, что в данном случае ни о каком переводе студента на заочную форму обучения даже речи идти не может. Бронебойный «патрон»-аргумент звучал так: «Что ты учишь старого кота ловить мышей?! Я недавно поймел очередной нагоняй от Михаила Ульяновича (ректора Белого - Н. С.). Так он напоследок прямо меня обвинил: «Вы превратили заочное отделение в штрафной батальон, что недопустимо».

Других тонкостей дискуссии однокурсник не знал. Однако, факт остается фактом: автор этих строк благодаря усилиям доцента Погребного едва ли не последним таки попал в журналистский «штрафбат».

На нелегальном положении

После длительных поисков работы стал корреспондентом овручской районной газеты «Заря» - исключительно усилиями ее редактора А. Войцеховского, жесткие, но высокопрофессиональные уроки последнего запомнил на всю жизнь.

Первые месяцы обитали у родителей моей половины - в селе за 20 км от города. А дальше – повезло. Двоюродного брата жены - прапорщика - отправили служить в Германию. И мы временно въехали в его квартиру: во-первых, какой-никакоц надзор за имуществом, во-вторых, гарантия, что в нее не заселят первого попавшегося безквартирного офицера.

Вышеупомянутые «апартаменты» - две комнаты в трехкомнатной коммуналке. Отопление - печное. Удобства - во дворе.

Но мы были невероятно рады!

К тому же, в третьей комнате, закрытой на замок, никто не жил, поэтому мы чувствовали себя достаточно вольготно.

Однако все халявное когда-нибудь заканчивается. Свободную комнату заняла семья майора, переведенного в Овруч. Он, узнав, кто мы такие, тут же пожаловался начальству: мол, в военном доме живут гражданские без каких-либо прав на это, а он тем временем прозябает в одной комнатухе.

Комиссия появилась, когда меня не было дома. Жена - умница! - не растерялась. И заявила: мать прапорщика (ее родная тетя) дала ключ всего на несколько дней. Убедив представителей погонной общественности, что завтра нашей ноги здесь не будет.

Пришлось переходить – снова ежедневно ездить за 20 км на работу не улыбалось - на нелегальное положение. Прежде всего, заклеили изнутри старыми газетами окна (постоянный полумрак не пугал). Забрали из общей кухни свои кастрюльки, ложки и ножи. Готовить нехитрую снедь начали в комнате на электроплитке.

Свет, когда стемнеет, не включали. В подъезд заходили, только убедившись, что поблизости нет представителей воинской части. Утром, перед тем, как

выскользнуть тенями, долго стояли под дверью и прислушались, понимая, что именно в эти минуты нас легче всего поймать.

И еще: я перестал после бритья пользоваться одеколоном, перейдя на крем. Чтобы «предательски» не распространять «чужой» стойкий запах в общем коридоре.

По крайней мере, трижды в двери и окна стучали. Но взламывать не решились. Ведь за вещи, оставшиеся в комнатах прапорщика, кому-то пришлось бы отвечать.

В конце концов, игра в разведчиков-нелегалов надоедает. Да и проблема нормального трудоустройства жены все не решается. А тут узнаем, что в Чернухах Полтавской области (соседний с родным Пирятинским районом) открылась вакансия корреспондента-организатора местного радиовещания, на которую меня готовы взять. Поэтому без колебаний - собираем скромные пожитки.

И снова - Погребной!

Тему дипломной порекомендовал преподаватель истории украинской журналистики Василий Васильевич Яременко:

- Исследуй газету «Хлебороб» - она во время первой русской революции выходила в Лубнах.

Почему бы и нет?! Направляю соответствующий запрос в областной архив. И получаю вот такой ответ:

УРСР
ВИКОНАВЧИЙ КОМІТЕТ
ПОЛТАВСЬКОЇ ОБЛАСНОЇ РАДИ
ДЕПУТАТІВ ТРУДЯЩИХ
АРХІВНИЙ ВІДДІЛ
ПОЛТАВСЬКИЙ ОБЛАСНИЙ
ДЕРЖАВНИЙ АРХІВ

Від 14. II. 75. № 83

На Вашу заяву від 12. II. 75 р.

м. Полтава

Гр-ну СУХОМОВСЬКОМУ МИКОЛІ
МИХАЙЛОВИЧУ

Полтавська обл., смт. Чорнухи
Редакція радіомовлення

Полтавський облдержархів повідомляє, що в брошурі Д.Х. БІЛОГО "Лубни. Історико-краєзнавчий нарис" (Харків, "Прапор", 1971, стор. 26) є відомості про газету "Хлібороб", яка видавалась в Лубнах наприкінці 1905 р. українською мовою, раз на тиждень. Редактором її був один з керівників лубенської організації Української соціал-демократичної робітничої партії (УСДРП - українська дрібнобуржуазна націоналістична партія) ліберальний поміщик Микола ШЕМЕТ. Вийшло кілька примірників газети "Хлібороб", яка була буржуазно-ліберального напрямку.

На нашу думку, для дипломної роботи Вам не слід брати газету "Хлібороб" в той час, коли Ви, хороше дослідження можете зробити по обласній чи й навіть по Вашій районній газеті, взявши будь-який період за після-воєнні роки, наприклад, висвітлення питань: відродження народного господарства району в післявоєнний період, розвиток сільського господарства, інтернаціональні зв'язки або висвітлення історії рідного краю на сторінках Вашої газети чи інше.

Для роботи в облдержархіві Вам необхідно мати відношення з університету чи з місця роботи, на ім'я директора архіву, в якому вказується тема і крайні дати Вашої роботи.

Архів працює в усі дні, крім суботи та неділі, з 9-00 до 18-00 години.

ДИРЕКТОР

Шемет

Н.Х. ПАЙДЕМ

НАЧ. ВІДДІЛУ ВИКОРИСТАННЯ
ТА ПУБЛІКАЦІЇ ДОКУМЕНТІВ

В. Н. Лук

В. Н. ЛУК

По сути, это не столько слегка завуалированный запрет касаться вышеупомянутой темы, сколько намек на мелкобуржуазный национализм, пусть и заочника, но все же партийного факультета!

Как быть? Время шло, а у меня даже тема не утверждена. И снова - странное стечение обстоятельств. Иду тем же коридором желтого корпуса университета. Смотрю - навстречу спешит А. Погребной. Искренне здороваемся. Анатолий

Григорьевич интересуется моими делами. Обрисовываю ситуацию, попутно демонстрируя «убийственный» ответ из облгосархива.

- А почему бы тебе не взяться за дипломную по литературе?

Слегка робею:

- Да как-то ... никогда ... в голову не приходило...

И снова, как и два года назад:

- Заглянем на кафедру!

Через полчаса оставляю знакомый кабинет, имея тему дипломной работы «Образ человека труда в современной украинской прозе» и утешительные напутственные слова ...ее свежее испеченного руководителя.

Из авторского «Дневника»:

«Февраль 1976

Абзац из предисловия к «производственному» роману В. Маняка «И сошел день»: «В книге речь идет о глубокой и искренней любви начальника шахты Алексея Грибуна к художнице Ларисы».

Не спешите, читатель! Процитированное вас лишь дезориентирует. Поскольку именно глубины и искренности в отношениях главных героев и не чувствуешь. Так себе, разговор о любви, бледный отпечаток настоящих чувств. Причем заводных фигур, а не людей.

А уровень диалогов?! Особенно, если учесть, что герой любит «копаться в историческом фактаже», хорошо ориентируется в «Ипатьевской летописи», а духовным советчиком у него выступает Спиноза. Вот одно из «глубоких мудрствований»:

«- Я хочу узнать, как дух времени (?!) проникает в поры человеческого тела.

- Так вас интересуют люди или время?

- И люди, и время.

- Вас интересуют люди и время? Действительно, нельзя отделять людей от времени...»

Остается только поражаться умению накручивать объем: в пяти предложениях пять раз употребить слово «время» в различных падежах и столько же - производных от «человека».

А над какими «проблемами» ломают головы директор шахты и художница! Это и «относительность мира», и «внутренний бунт человеческой личности», и «рационалистичность инженерной психологии», и... А как вам, уважаемый читатель, их бегство в причудливый мир «невесомости»?

Март 1976

Еще один «шедевр»! На этот раз повесть И. Дьячко «Живая основа».

Фабула опуса следующая. Хиреет суконная фабрика. Вот-вот обанкротится. Но, к счастью, сюда по распределению приезжает выпускница техникума Инна Зорина - такой себе, как вскоре окажется, Ломоносов текстильной промышленности.

В первое же посещение цеха героиня отмечает, что «сельфакторы устарели и их надо заменить». Еще через минуту доказывает: выход ровницы на аппаратах можно увеличить, вопреки утверждению конструкторов о невозможности этого. Немного позже окажется, что определением размера платков проводят еще дедовским способом» (Инна совершенно случайно в техникуме работала над проблемой автоматизации именно этой операции).

Дальше - больше. Девушка предлагает более экономную технологию изготовления ровницы, повышение скорости машин, убойные рецепты эмульсии.

Остается добавить: все эти предложения мгновенно воплощаются в жизнь, и фабрика, еще буквально вчера дышавшая на ладан, начинает выполнять и даже перевыполнять планы.

А что же Ломоносов в юбке? Успеваешь обсудить с подружкой новый фильм, помочь подшефному колхозу наладить культурно-массовую работу, открыть на предприятии книжный киоск без продавца, разработать чертежи для подъемника, регулярно публиковать очерки в районной газете...

И это, извините, литература?! Нет, скорее классический образец, пособие, как писать не надо. Понимали ли это те, кто благословил данную, с позволения сказать, «производственную повесть» в печать?

Чуть не забыл: И. Дьячко в повести поставил цель докопаться, какая она - душа. Четких данных по всему, получить не удалось, тем не менее, он сообщает, что она - тонкая. Правда, параметров не указывает. Видимо, еще не измерил.

Март 1976

Прочитал «Бережанские портреты» Е. Гуцало. Действуют не живые персонажи, а какие-то бледные тени. Действуют растянуто до невозможности. Одни размышления «наезжают» на другие, становясь, в конце концов, совсем постылыми. Книга страдает жуткой описательностью, скучным перечнем жизненных эпизодов, «украшенным» словесными красотами, а иногда – ничем не оправданной чопорностью стиля.

Чувствуется, сердце Евгения не тянется к производственной тематике. Зачем же себя насиловать? Это золото и в грязи блестит, а неумение писать не прикроешь никакими словесными «бриллиантами»: тусклое при каких условиях не засияет.

Мое искреннее сочувствие тем, у кого душа не уживается с понятием «серпа и молота» в литературе!

Апрель 1976

Читаешь книги и видишь что-то не так с литературными портретами зодчих счастливого будущего. Героев ничего, кроме работы и выполнения социалистических обязательств, не интересует. Об этом они думают дорогой в цех (на ферму), на обратном пути и даже вечером - почти до третьих петухов.

И еще - в большинстве случаев - каждый заочно учится. С единственной целью - еще на больший процент перевыполнять план.

Так и хочется крикнуть: писатели, опомнитесь! Умерьте пыл! Это же бездушные механизмы, а не люди. Почему они оторваны от окружающего мира? Где человеческие эмоции, чувства?

И еще: написанному никто не верит. Кое-где ...даже сами герои.

Май 1976

«Насилую» очередной производственный роман. А понять толком ничего не могу. Шлакобетон, а не литература, или я французский дофин!

Май 1976

С производственной тематикой - просто беда! Персонажи: ЛИХОбор - в одноименном романе В. Собко; ЛИХОлат - в «Бережанских портретах» Е. Гуцало; ЛИХОлатенко - в «Горлицы из яблоневого сада» А. Моторного.

Июнь 1976

Свой роман Ю. Бедзик назвал «Лазурь». Казалось бы, перепутать здесь что-то трудно. Но только не нашим переводчикам! В издательстве «Днепр» (1974 год) книга вышла под названием «Синева». Еще в одном - «Голубизна». А в статье «Вечный зов времени» («Литературная газета», 24 марта 1976 года) критик Н. Логвиненко трактует название как «Лазурь».

Ночное ограбление сейфа

В Чернухах арендовали крохотный чуланчик в избушке-мазанке, где сразу же столкнулись с проблемой обогрева. Правда, жене, как учительнице, брикет выделили бесплатно. Однако его нужно чем-то разжигать. С дровами же - еще та загвоздка! Ежедневно после работы блуждаем поселком в надежде найти хоть щепку. Уже знаем наиболее грибные места - задворки магазинов, куда нередко выбрасывают сломанную тару.

А то как-то появился мой отец с картонной коробкой в руках - привез подарки. Однако мы даже предположить не могли какие. Ими оказались ... аккуратно напиленные чурбанчики.

Как-то редактор местной районной газеты «Нова праця» попросил смотаться на ближайший колхозный животноводческий двор и срочно сделать оттуда материал.

Уехал. Вот ферма. Знакомлюсь с людьми. Веду разговор. Записываю. И иду ко второму коровнику, расположенному буквально рядом.

На дверях - доярка:

- Что, сначала у НИХ побывали? Небось, наслушались?!

- Представляю, что они вам наговорили, - подключается к разговору ее коллега.

«Это же какой материал сам плывет в руки! - радуюсь. – Не хухры-мухры, а проблемный».

В ходе беседы выясняю причины нездоровых отношений двух подразделений одного хозяйства. Возвращаюсь, ночью готовлю опус - бесспорно, украшение номера. Утром в предвкушении заслуженных добрых слов сдаю редактору.

И ...получаю по башке мешалкой. Мол, слабый я профессионал: вместо того, чтобы написать, как люди перевыполняют планы надоев, я ковыряюсь в грязном белье. Короче, подвел редакцию: материал забраковано, а ставить ничего.

Под конец разговора поссорились. К сожалению, весовые категории разные: я - приезжий молодой студент-недоучка, он - местный уважаемый редактор. В дальнейшем наши отношения все глубже заходили в тупик. Дошло до того, что мне запретили в радиопередачах ссылаться на информацию из районной газеты. И внимательно за этим следили. Не смущало даже то, что в эфир я выходил в 6 часов утра.

От рядовых работников узнаю: руководство считает, что я «слишком много на себя беру».

...Готовую дипломную печатать решили дома - денег, чтобы кому-то заплатить, не имели. Возникла, правда, загвоздка: где взять машинку? На редакцию, как вы понимаете, рассчитывать не приходилось...

И здесь повезло: брать служебную портативную «Москву» на выходные позволила хорошая знакомая (к сожалению, имя и фамилию забыл - Н.С.), работавшая секретаршей у руководителя небольшой организации.

Воплощали задуманное в жизнь по следующей схеме: в конце рабочего дня в пятницу девушка в условленном месте оставляла ключ от офиса. Мы ждали темноты, чтобы никто не увидел, шли и забирали инструмент. А рано утром в понедельник доставляли «Москву» назад, заодно оставляя и ключи.

В течение месяца подобную операцию осуществляли четыре раза, печатая дипломную вдвоем без перерывов. И надо же!

Тем утром в очередной понедельник, еще затемно, отнесли машинку на место. Пришли домой, прилегли вздремнуть. А в восемь тридцать двинулись на работу. Первое, что я узнал, появившись в редакции, прозвучало сенсационно: этой ночью в поселке медвежатники взломали сейф. По информации старожилов, подобного Чернухи не знали со времен гражданской войны!

- А где? - интересуюсь.

В ответ раздаётся название организации, куда мы несколько часов назад ...отнесли «Москву».

Чувствую, как волосы на голове начинают медленно шевелиться. Под благовидным предлогом выхожу на улицу и крепко задумываюсь. Это что же получается?

Во-первых, просто чудо, что мы не столкнулись с грабителями. Ведь ночи летом короткие, наверное, были все мы там примерно в одно и то же время. Вот только кто первым - злоумышленники или мы? Лампочку мы не включали, поэтому и

не видели: сломан уже сейф или еще нет.

Во-вторых, если мы были последними, то на месте преступления, наверное, найдут отпечатки наших пальцев. По крайней мере, на двери. Ну, и, естественно, на машинке. Как доказать, что никаких денег мы не брали?!

И, в-третьих, поверит ли в нашу невиновность сама знакомая, доверившая ключ от помещения?

И, вообще, как вести себя в этой пиковой ситуации?

Вернувшись в редакцию, набираю поочередно номера жены и этой самой знакомой. С последней, которая, как понял из ее голоса, находилась в состоянии легкой прострации, договорился о немедленной встрече (милиционеры из офиса уже ушли).

Рандеву здорово успокоило. Оказалось, что дверь в помещение взломана, так что, по крайней мере, знакомая, зная, что у нас были ключи, даже мысли не допускала о том, что у выпускников КГУ может оказаться рыльце в пушку.

А как быть с тем, что мы с женой по ночам регулярно посещали контору? Решили молчать. Оно и понятно: знакомая не хотела терять работу, а нам, чужим в поселке, подозрительная слава ни к чему. Если же с отпечатками пальцев влипнем, тогда расскажем правду.

К счастью, заезжего вора - он был один! - уже на второй день задержали...

«Правилами не предусмотрено»

Когда прибыл на защиту, Анатолий Григорьевич Погребной протянул стандартный лист бумаги:

- Правилами подобное не предусмотрено. Но я их нарушил и написал отзыв на твою дипломную, за которую глубоко благодарен. Он не сыграет никакой роли на защите: для этого существуют официальные рецензенты. Однако написать я не мог...

Выйдя, удивленно читаю:

Відгук
на дипломне дослідження
Т. М. Сухолюцького.

Вважаю, що дипломна робота
Т. Сухолюцького може бути оцінена
дуже високо. Головне її достоїнство —
власна думка автора, вірна, нешаблон-
на, досить глибока. Це те, чого ми
шукали в усіх дипломних роботах,
але знаходимо не завжди.

Дривабливо і те, що робота задушена
та в Сєвєроукраїнському національному університеті
тільки. Автор прагне, свідомо, давати
перед собою весь недифузний процес,
і офіційно віддає у нього він непогано.
Присвячує враження справляю те, що
для аналізу дипломна вибрав
знаючи кількість художніх творів.

Отже, це дослідження — зразком
самостійної, чіткової роботи. Автор
виявляє тут досить високий рівень
науково-теоретичної і фактової
підготовки.

29. V. 1976 год. Прокопівський

Вот такой гусарский «ход конем»!! И ради кого?! Ради заблудившегося в трех соснах (свобода, равенство, братство) «штрафбатовеца»...

Анатолий Григорьевич не ошибся: на его «душевный порыв» никакого внимания не обратили. Да и кто бы это сделал? Профессор В. Прохогин, возглавлявший государственную комиссию? Или официальный рецензент, директор Института

литературы АН УССР академик Н. Шамота, который даже не удосужился появиться на защите, ограничившись направленным заранее письменным заключением?! Однако на «хорошо» мою работу все же оценили.

Для меня же стократ дороже были теплые слова А. Погребного!

В чужую сторонку

Получив многострадальный диплом, размыслил: с таким «послужным списком» и под таким «колпаком» удачи в родных краях искать напрасно: «21» вряд ли выпадет. И, внимательно изучив рубрику «Вакансии» союзного издания «Журналист», обратился с просьбой приютить сразу к четырем СМИ. Выбрал областные газеты Куляба Таджикистана, Пржевальска Киргизии, Красноводска Туркмении и городскую газету «Огни Арктики» на ледяном мысе Шмидта. И, о чудо, отовсюду поступили приглашения!

Выбрали с женой «ворота в Среднюю Азию» - Красноводск (ныне - Туркменбаши). Но теперь ведь нужно уволиться с настоящего места работы (корреспондент-организатор радиовещания - номенклатура райкома партии и этим все сказано).

Из авторского «Дневника»:

«Сентябрь 1976

Захожу к заместителю редактора газеты «Нова праця», где состою на учете, Анатолия Рычко с заявлением об увольнении по собственному желанию. Куда там! Диалога не получается. Более того, хозяин кабинета - и положения! - полыхает несправедливым гневом:

- Не борзей!

И, предвкушая сладостный момент, загоняет меня в угол:

- Характеристику буду подписывать я...

- Ничего, - позволяю себе перейти на «ты», чего раньше никогда не делал. -

Земля круглая: сегодня ты мне подписываешь, завтра - я тебе.

В спину раздается смешок, доброжелательный, как утечка метана в шахте:

- Завьется еще ниточка к клубочку».

«Как разорвать замкнутый круг?» - тема длительных вечерних семейных соображений. И вдруг моя половина говорит:

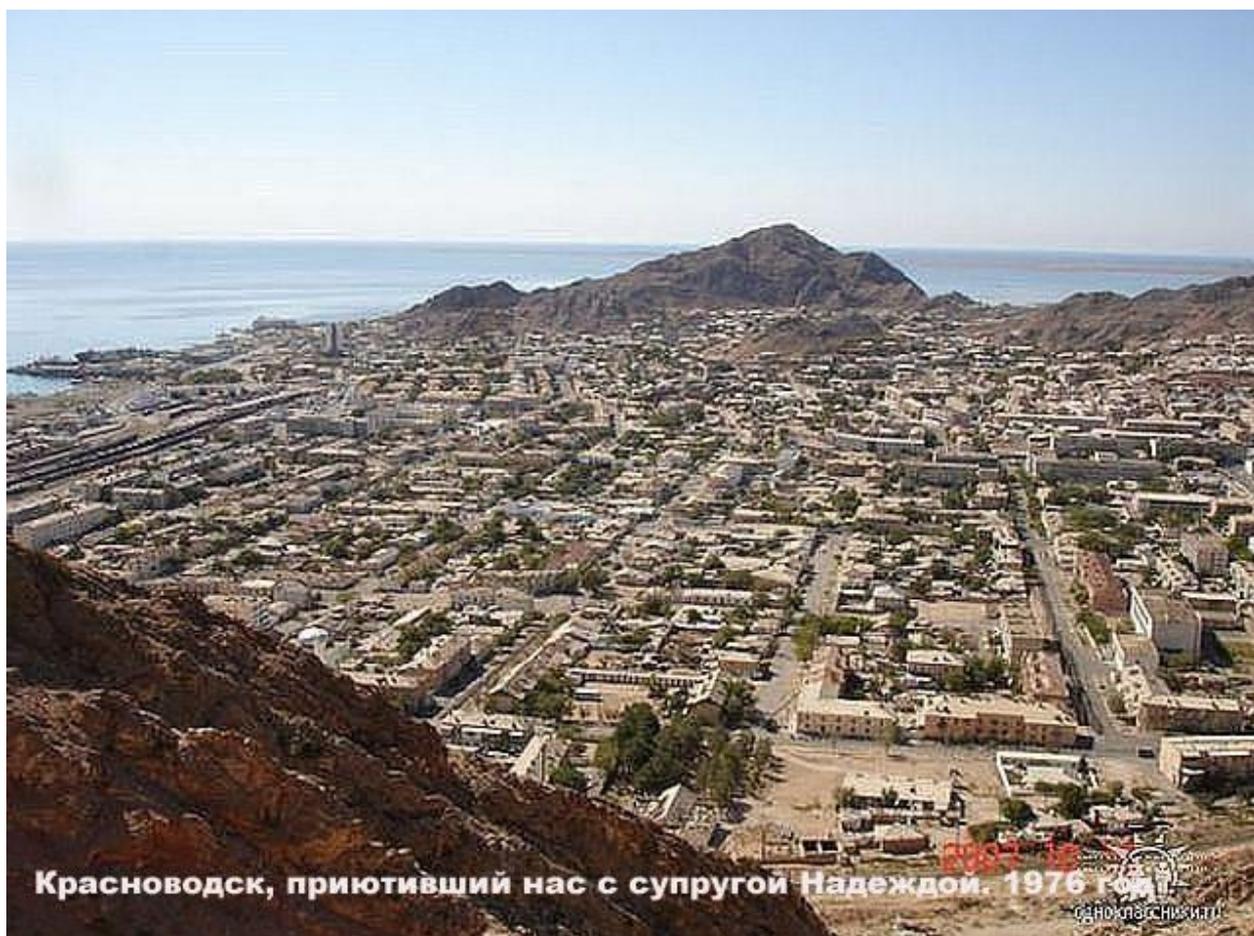
- А что если завтра я подойду к жене второго секретаря райкома партии (та, как и моя, работала в местной средней школе - Н.С.)? Она - адекватный человек. И отношения у нас - цивилизованные.

- Идея! - схватился я за спасительную соломинку.

И откровенно добавил:

- Других вариантов пока не вижу.

Так усилиями двух изобретательных представительниц прекрасного пола я получил желанную свободу.

Добираться Кrasноводска решили «с приключениями»: поездом - до Баку, оттуда паромом – через Каспий. А поскольку отправлялись из Киева, то предварительно посетили кафедру истории литературы университета. Крепко пожав руку Анатолию Григорьевичу, двинулись в дальний путь. Тогда даже не представляя, каким извилистым он окажется...

Николай Сухомозский.